

Э. ПЕРУЦЦИ

МИКЕНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛАТЫНИ

В данной статье обобщены результаты ряда исследований, посвященных проблеме микенской культуры в Лациуме, точнее лингвистическому аспекту этой проблемы, а именно сохранению микенских языковых элементов в латыни¹. Исследования такого рода покоятся на двух основаниях: на данных современной археологии и на античной традиции.

Археологические данные убедительно показывают, что микенские мореплаватели часто заходили в порты южной Италии — Апулии, Сицилии и Эолийских островов, которые впоследствии, в исторические времена, подверглись греческой колонизации. К этому следует добавить, что в последнее время фрагменты микенской керамики были обнаружены и в Лациуме. Это прежде всего фрагменты, найденные в Луни суль Миньоне; некоторые из них можно «с высокой степенью надежности», по словам Остенберга², отнести к микенскому периоду III В (около 1300—1230 гг. до н. э.). Кроме того, найден новый фрагмент в хижине железного века в Сан Джовенале (эти данные еще не опубликованы), и мы с нетерпением ждем первой публикации материалов о фрагментах керамики, обнаруженных в самом центре Рима, в Сант-Омобон, в пласте земли с Капитолийского холма. Некоторые из этих фрагментов принадлежат, по мнению Доро Леви, к позднемикенскому периоду.

Согласно античным преданиям, выходя из Аркадии, возглавляемые Эвандром, достигли Лациума около 1243 г. до н. э., по хронологии Эратосфена. Эта дата согласуется с возрастом упомянутых выше археологических находок, относящихся к тому же периоду, что и архивы из Пилоса (из чего следует, что микенское государство распространяло свое влияние и на внутренние области Аркадии), а также найденные в граничившей с Аркадией Арголиде микенские и тиринфские тексты линейного письма В, написанные на языке, который, как бы мы его ни оценивали, стоит ближе к аркадо-кипрскому, чем к какому-либо другому историческому диалекту греческого языка.

Я не буду останавливаться здесь на предании об Эвандре, которое, как я уже показал в других работах, является весьма достоверным в своих основных деталях. Даже несообразность того факта, что мать Эвандра была убита в возрасте 110 лет, устраняется, если иметь в виду, что год у аркадцев состоял из трех месяцев (Plin. nat. hist. 7, 48, 154—155; Cens. d. nat. 19, 5), так что, согласно нашему летосчислению, она умерла, когда ей было 27 лет. Предание гласит, что Эвандр отправился в путь из города Паллантиона, находившегося в удаленной от моря Аркадии, и отбыл в

¹ E. Peruzzi, I micenei sul Palatino, «La parola del passato», XXIX, 1974, стр. 309 и сл.; ег о же, Prestiti micenei in latino, «Studi urbinati», XLVII, 1973, Supplemento linguistico, 1 (published 1975), стр. 7—60; ег о же, Agricoltura micenea nel Lazio, «Minos», XIV, 1973 (published 1975), стр. 164—187.

² C. E. Östenberg, «Luni sul Mignone», Lund, 1967, стр. 128—151; ср.: F. Biancofiore—O. Toti, «Monte Rovello», Roma, 1973, стр. 9—10, 56; C. E. Östenberg, «Annuario dell'Unione Internazionale degli Istituti di Archeologia, Storia e Storia dell'Arte in Roma», XII — XIII, стр. 149; G. Ioppolo, «Rendiconti della Pontificia Accademia Romana d'Archeologia», XLIV, 1972, стр. 17.

Лациум с арголидскими кораблями, команда которых состояла из аргоцев.

Все источники сходятся на том, что выходцы из Аркадии принесли в Лациум более высокую цивилизацию (Dion. Hal. 1, 33, 4; Liu. 1, 7, 8; Ps. Aug. Vict. ог. 5, 3, и др.). Это была не первая и не последняя из тех греческих миграций, подробный перечень которых мы находим у Дионисия, но это, несомненно, была самая важная миграционная волна с точки зрения истории культуры. В связи с этим у лингвиста может возникнуть вопрос: не сохранились ли в историческом латинском такие элементы, которые можно было бы приписать уже не позднему греческому влиянию, а культурному престижу аркадцев в Лациуме XIII в. до н. э. (в таком случае следовало бы предпочесть позднюю этимологию более ранней). Дионисий рассказывает, что аркадцы считались «первыми, кто ввел в Италию игру на таких инструментах, как лира, треугольная арфа и флейта; потому что их предшественники не знали никаких музыкальных инструментов, кроме пастушеской свирели» (Dion. Hal. 1, 33, 4).

Для латинского названия лиры уже было предложено соответствие в греческом: лат. *fides* мн. ч. «струны музыкального инструмента» > «лира» ~ греч. *sphides* мн. ч. «кипики; жилы» (из которых изготовлялись струны). Особо отмечалось, однако, что исчезновение *s* в начале слова перед согласными и трактовка придыхательного согласного не согласуется с теми звуковыми соответствиями, которые характерны для греческих заимствований в латинском языке исторического времени.

Те же особенности (исчезновение *s* в начале слова перед согласными и нерегулярная трактовка придыхательного) можно обнаружить и в названии жертвенного сосуда, для которого отмечена греческая параллель: лат. *capis*, *-idis* ~ греч. *skap̄is*, *-idos*. Аналогичные черты свойственны также двум специальным терминам, связанным с сельским хозяйством: лат. *capula* и микен. *skap̄alā*, которое сохранилось на пиловской табличке Un 1321, строка 2 (ср. греческое название ковша: *skap̄alos*). Лат. *capula* обозначает небольшой ковш для переливания масла из одного сосуда в другой в процессе выжимания оливкового масла. Микен. *skap̄alā* обозначает сосуд, использовавшийся в Пилосе в качестве мерки для жидкостей.

Исчезновение *s* перед согласными является также особенностью линейного письма В, где, например, для *skap̄alai* находим форму *ka-pa-ra*.

По мнению Георгиева³ и других, эта графическая особенность отражает характерную черту микенского произношения. Данный вывод, однако, нельзя признать бесспорным, к тому же мы ничего не знаем о фонологической системе диалекта, на котором говорили в XIII в. до н. э. на Палатинском холме. Следовательно, необходимо и достаточно отметить, что исчезновение *s* в начале слова перед согласными имеет место в латинских заимствованиях из греческого, относящихся, по-видимому, к микенской эпохе; тем самым мы получаем возможность использовать данную особенность как формальный эвристический критерий при изучении латинской лексики (и таким образом проверить ее справедливость).

В рассмотренных выше лексических параллелях представлены два разных результата отражения греческого *ph* в латинском языке: 1) *p* в середине слова и 2) *f* в начале слова. Первый результат, а именно лат. *p* на месте греч. *ph*, представляет собой соответствие, встречающееся в словах, которые до сих пор рассматривались как древнейшие прямые заимствования из греческого (например, *purpura*, *ampulla*), тогда как относительно второго результата этого сказать нельзя. Общеизвестно, что греческий

³ См.: V. I. G e o r g i e v, *Introduzione alla storia delle lingue indeuropee*, Roma, 1966, стр. 72—75 (ср. стр. 81).

ph передавался латинским *f* в довольно позднее время (первые примеры такого рода найдены в Помпеях), когда он был уже не придыхательным, а фрикативным, как и латинский согласный. Из этого следует, что такие слова, как *fidēs*, *fōrma*, *fūr*, *fūcus*, *funda*, *fungus*, *fenestra*, не могли быть прямыми заимствованиями из греческого (в связи с чем постулируется существование неизвестных этрусских слов-посредников или общего средиземноморского источника неизвестного происхождения).

Таким образом, в латинских словах *capis*, *capula* и *fidēs* засвидетельствовано двойное отражение греческого *ph* в зависимости от позиции. Но в тех же позициях в латинском мы находим также двойное (хотя и отличное) отражение индоевропейского придыхательного звонкого губного, позволяющее провести разграничение между латинским и итальянскими языками, а также сабинским:

	Греч.	Итал.	Лат.	Сабин.
И.-е. * <i>bh</i> (1) в начале слова	<i>ph</i>	<i>f</i>	<i>f</i>	<i>f</i>
(2) в середине слова	<i>ph</i>	<i>f</i>	<i>b</i>	<i>p</i> ⁴ .

Легко заметить, что в параллелях *sphīdes* — *fidēs*, *skaphīs* — *capis*, *skaphālā* — *capula* греческий *ph* трактуется так же, как придыхательный взрывной в сабинском (другими словами, эти заимствования указывают на традицию, которую мне не хотелось бы называть сабинской, но которая тождественна традиции, засвидетельствованной сабинским языком).

Обратимся теперь к схеме развития индоевропейского придыхательного звонкого губного в латинском и итальянских языках, предложенной Асколи⁵ и являющейся теперь общепринятой (к ней я добавил в IV периоде результаты развития в сабинском):

I Индоевропейский	придыхательный	* <i>bh</i>	
II Протоиталийский и палеогреческий	придыхательный	* <i>ph</i>	
III Протолатинский	фрикативный	* <i>f</i>	
IV а) Латинский		<i>f</i> -	- <i>b</i> -
б) Сабинский		<i>f</i> -	- <i>p</i> -

Эта схема дает ключ к решению вопросов, связанных с формой и хронологией древнейших греческих слов с *ph* на территории Центральной Италии.

Такое заимствование, как *fidēs*, является более древним, чем те заимствованные слова, в которых начальный *ph* передается латинским *p*, потому, что процесс заимствования происходил в архаический период II, когда в диалектах, на которых говорили в Центральной Италии, все еще имелся придыхательный глухой губной. Другими словами, заимствование имело место в то время, когда греческий придыхательный был фонетически тождествен или очень близок местному придыхательному, развившемуся позднее в *f* и *b* в латинском, *f* и *p* в сабинском.

До сих пор мы имели дело с латинскими заимствованиями, которые, возможно, были микенскими по происхождению. Такая возможность, однако, может быть доказана только в том случае, если будет найдено латинское слово, которое обнаруживает те же особенности и обязательно

⁴ Сабин. *alpus* «белый». P. Fest, p. 4. 7—9: «album quod nos dicimus, a Graeco, quod est *alphōn*, est appellatum. Sabini tamen *alpum* dixerunt». Сабин. *crepus* ~ греч. *knēphas* «темнота» (ср.: A. Ernout, A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, Paris, 1967, стр. 149. s. v. *creper*).

⁵ См.: G. I. Ascoli, «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», XVII, 1868, стр. 241 и сл.; XVIII, 1869, стр. 417 и сл.; e r o ж e, Lezioni di fonologia comparata del sanscrito, del greco e del latino, Firenze, 1870, стр. 167—174.

должно восходить к микенской эпохе, т. е. слово, которое строго согласуется с микенской формой, но вместе с тем никоим образом не согласуется с более поздней греческой и поэтому не может быть отнесено к более позднему периоду и диалекту, чем микенский.

Таким словом является *cuspis*, *-idis*. (Следует, кстати, подчеркнуть, что основа, род и парадигма слова *cuspīdēs* совпадают с аналогичными характеристиками слов *capīdēs* и *fidēs*, для которых мы постулировали возможное микенское происхождение.) Форма двойственного числа *qi-si-pe-e* (*k^wsiphehe*) в табличке Та 716 показывает, что начальная группа согласных в греч. *ksīphos* возникла в результате диссимилиации лабиовелярного, причем более древней формой была *k^wsīphos*⁶. Наконечники копий и стрел имели форму небольших мечей и кинжалов, поэтому они также назывались в греческом *akro-ksīphīdes* (Lyd. mag. 1, 8). Однако тогда латинское слово *cuspis*, *-idis*, этимология которого неизвестна, не может быть возведено к греч. *ksīphīs*, *-īdos*, но легко выводится из микенского *k^wsīphīs*, *-īdos*, начальный лабиовелярный которого воспринимался говорившими на латинском языке как *ku*, а придыхательный трактовался так же, как в *capis* и *capula*:

II микенское	<i>*k^wsīphīdes</i> →	<i>*kusīphīdes</i>	
III		<i>*kusīfīdes</i>	
IV		<i>*kusīpīdes</i>	
		<i>cūspīdes</i>	(с синкопой, вызванной ударением на первом слове).

Согласно преданию, выходцы из Аркадии привезли в Лациум различные музыкальные инструменты, а также ввели *tubilistrum*, церемонию, во время которой подвергались очищению культовые трубы — *tubi* (Fest. p. 480, 25—29). Древний религиозный термин *tubus* (Varro, Ling. Lat. 5, 117; Fest. p. 480, 25—27), соответствующий обычному слову *tuba*, восходит (если при этом учесть характерное для микенских заимствований выпадение *s* перед согласными) к греч. *stūpos* (также *o*-основа) (Hesych., s. v. *stūpē*: ho stūpos). Греч. *stūpos* обозначает полый ствол дерева, из которого еще во времена Плиния изготавливались пастушеские свирели (Plin. nat. hist. 16, 71, 179). Обращает на себя внимание, что в параллели лат. *tubus* — греч. *stūpos* греческий глухой лабиальный соответствует звонкому в латинском слове, точно так же, как и в трех латинских словах, заимствованных из греческого и существовавших еще в микенскую эпоху:

Лат.	Греч.	Микен.
<i>burrus</i>	<i>purros</i>	<i>pu-wo</i> (<i>purwōs</i>)
<i>buxus</i>	<i>pūksos</i>	<i>pu-ko-so</i> (<i>pūksos</i>)
<i>carbasus</i>	<i>kārpasos</i>	<i>ka-pa-so</i> (<i>kārpasos</i>)

У меня нет сомнений в том, что данное звукосоответствие является характерной чертой микенских заимствований. Действительно, результаты применения такого соответствия к другим латинским словам неизвестного происхождения подтверждают это предположение.

Микен. *prakteeus* обозначает особую категорию пилосских ремесленников, которые, очевидно, имели дело с *praktea*₂⁷ (слово, не получившее

⁶ Ср.: А. Heubeck, «Minos», VI, 1958, стр. 55 и сл.; С. Gallavotti, «Athenaeum», XLVI, 1958, стр. 380.

⁷ Ср.: М. Lejeune, «Historia», X, 1961, стр. 424 и сл., примеч. 79.

до сих пор объяснения). Если воспользоваться соответствием греч. *p* — лат. *b*, микенская форма может быть связана с лат. *bractea* «металлическая пластинка», где имел место сдвиг: ср. р. мн. ч. > жен. р. ед. ч., как в случае *opus* — *opera* ср. р. мн. ч. — *opera* жен. р. ед. ч. В самом деле, лат. *bractea* было первоначально формой мн. числа от *bracteum*, сохранившегося как название металлической пластинки, которой пользовались фламینی (CGL, II, 406, 27). Отсюда микенские ремесленники, которых называли *prakteewes*, — это чеканщики. Точно так же латинский военный термин *balteus* или *balteum*, обозначающий кожаный ремень, перекинутый по диагонали через плечо, к которому прикреплялись меч или щит или колчан со стрелами, является, по-видимому, производным, от микенского *paltōn* «метательное оружие», засвидетельствованного в документах Кносского арсенала и в пилооском архиве производным *paltaiā* (кносские печати Ws 1704, 1705, 8495, пилооская табличка Jn 829, строка 3).

Мы не можем точно определить специфическую трактовку глухих и звонких придыхательных губных в латинских заимствованиях микенской эпохи, потому что мы не знаем системы фонем (и их материальных реализаций) того диалекта, на котором говорили в XIII в. до н. э. на Палатинском холме, к тому же наши знания о микенской фонетике весьма несовершенны. Во всяком случае нельзя не обратить внимания на последовательный характер данных особенностей в том смысле, что обе они затрагивают один и тот же ряд взрывных (губных) и по крайней мере в середине слова обнаруживают фонетическое изменение, при котором придыхательные глухие утрачивают аспирацию, а глухие становятся звонкими.

Какова же картина микенского культурного влияния в доисторическом Лациуме, которую можно составить на основании первых результатов проведенных исследований?

К музыкальным инструментам, которые были введены выходцами из Аркадии, в настоящее время можно отнести лиру (*fidēs*) и прямую трубу (*tubus*), связанную с ритуальными обрядами (в предании особо упоминается *tubilūstrium*, аркадская религиозная церемония, проводившаяся на Палатинском холме).

О бесспорном влиянии в области религии свидетельствуют и луперкалии, древнеримские праздники, одним из назначений которых была защита овец от волков и которые также упоминаются в преданиях как аркадская церемония (Dion. Hal. 1, 32, 3—5; 1, 79, 8; 1, 80, 1—2; Plut. Rom. 21, 3—5; Plut. Caes. 61; Liu. 1, 5, 1—3; Ovi. fast. 2, 267—288; 5, 91—102; Justin. 43, 1, 6—7; Schol. Dion. Perieg. 348; Serv. in Aen. 8, 343; Val. Max. 2, 2, 9). Об их греческом происхождении говорит само название *lupercālēs* из **wl^uk^warkādes* «волчьи аркадцы» и специальный термин, обозначающий очистительное средство: *februm* из греч. *sphedrōn* «katharōn» (ср. греч. *khéludros* > лат. **colubros* > *coluber* «змея»: группа -*dr-* совершенно не характерна для фонетической системы латинского языка и зафиксирована лишь в *quadr-* в сложных словах и производных от *quattuor*; ср. и.-е. *-*dhr-* > лат. -*br-*: **rudhros* > **rubros* > **ruber* «красный»). К религиозной сфере относится также название жертвенного сосуда *capis*, и, по-видимому, название другого сосуда — *bucar* (P. Fest. p. 32, 20 «bucar... genus est uasis») из микенского *qo-u-ka-ra* «ритуальная чаша, имевшая вид головы быка или украшенная ею» (пилооская табличка Ta 711, 2—3).

Выше уже упоминались *balteus* (-*um*) и *cuspis* из обозначений оружия (точнее, наступательного оружия *tela*, так как оборонительное, называвшееся *arma*, было заимствовано у греков лишь в эпоху Ромула⁸).

⁸ См.: E. Peruzzi, *Origini di Roma*, II, Bologna, 1973, стр. 67—69, 71—72.

Именно аркадцам приписывает античная традиция введение в Лациуме использования волов в качестве тягловой силы при пахоте, а также более совершенных способов обработки земли (Ps. Aug. Vict. or. 5, 3). В этом пласте латинской лексики микенскими по происхождению являются *iūgus* «мера земельной площади (около 2500 кв. м)» из микен. *zeugos* «мера земли»⁹, *forbea* «пища» (P. Fest. p. 74, 7—8: «forbeam antiqui omne genus cibi appellabant, quam Graeci phorbēn uocant») из микен. *phorg^wā* (табличка из Пилоса Un 138.2 и табличка из Фив Ug 17 po-qa) и *capula* «ковш для масла», из микен. *skaphālā* «мерка для жидкостей».

Известно, какое важное место занимали ткани в микенских ремеслах и торговле. В латинском языке имеется по крайней мере три микенских заимствования, относящихся к названиям тканей: *carbasus*, *linum* и образованное от него нерегулярное прилагательное *linteus*.

Что касается лексики, связанной с обработкой металла, мы не можем установить, является ли лат. *bractea* заимствованием из микенского или, наоборот, микен. *praktea₂* восходит к латинскому слову, но в любом случае данная лексическая параллель свидетельствует о широком распространении металлообрабатывающей техники сопровождавшем торговлю изделиями из металла, которую вели микенские купцы в западной части Средиземноморья.

В области строительной техники лат. *clāuis* восходит к микенской основе *klāwi-* и не может быть связано с греческими основами *klāwid-* или *klāwik-*, обозначавшими ключ. Не имея в своем распоряжении надежных данных языкового и культурного характера, мы не можем с полной уверенностью говорить о микенском происхождении следующих двух терминов, характерных для хижины раннего железного века в Лациуме: лат. *furca* «столб с двумя развилками, поддерживающий крышу и стены» (греч. *phórka* вин. п. толкуется как *khāraka* «столб» у Гесихия) и лат. *fenestra* «окно» из **phawestēra* вин. п. (греч. *phaustēr* «окно») ¹⁰.

Несмотря на то, что в настоящее время лишь около двух десятков латинских слов, связанных с материальной культурой, могут считаться несомненными микенскими заимствованиями (или в некоторых случаях несомненными доисторическими заимствованиями из какого-либо греческого диалекта), трудно переоценить значение этих данных для истории латинского языка.

Признание микенских элементов в составе латинского языка, т. е. признание языковой и культурной традиции, связанной с цивилизацией, которая имеет свои собственные памятники письменности в виде микенских табличек XIII в. до н. э., позволяет ввести надежную хронологическую отметку (относительную и абсолютную) в то неопределенное пространство между реконструированным индоевропейским и документально засвидетельствованным латинским, в отношении которого до последнего времени нельзя было говорить о сколько-нибудь серьезном выделении дат и культур.

Это означает, что становится возможным изучение уже не предистории, а истории языка Рима за несколько столетий до самого раннего этапа его развития, засвидетельствованного памятниками письменности.

Перевела с английского И. А. Сизова

⁹ См.: M. L e j e u n e, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», XXIX, 1955, стр. 153, примеч. 25; M. S. R u i p é r e z, «Minos», IV, 1956, стр. 146—147; M. L e j e u n e, «Minos», VI, 1958, стр. 94.

¹⁰ A. D a v i c o, «Monumenti antichi», XLI, 1951, стлб. 125—134 и рис. 2, E. G j e r s t a d, «Early Rome», III, Lund, 1960, стр. 52—53, рис. 23—26; IV, 1, Lund, 1966, табл. 1; S. M. P u g l i s i, «Monumenti antichi», XLI, 1951, стлб. 69—71.